

2013.01.013. МАТВЕЕВ Г.Ф., МАТВЕЕВА В.С. ПОЛЬСКИЙ ПЛЕН. ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЛЕНУ У ПОЛЯКОВ В 1919–1921 гг. – М.: Родина Медиа, 2011. – 173 с.

Ключевые слова: советско-польская война 1919–1920 гг.; польский плен; пленные красноармейцы.

Авторы книги – Г.Ф. Матвеев, д-р ист. наук, зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического ф-та МГУ, специалист по истории Польши и славянского мира, В.С. Матвеева – канд. ист. наук, преподаватель Ровенского ин-та славяноведения Киевского славистического университета. Они посвятили книгу памяти их отца и деда, участника советско-польской войны 1919–1920 гг. Монография подразделяется на введение, пять глав и заключение. Она снабжена библиографией и именованным указателем.

В монографии отражена судьба более 200 тысяч военнослужащих Красной армии, оказавшихся в польском плену во время советско-польской войны 1919–1920 гг. Авторы предпринимают попытку установить число советских «узников войны», проследить трагические перипетии их жизни с момента пленения и до возвращения на родину в 1921 г. Книга написана на основании документов из российских, польских и швейцарских архивов, опубликованных источников, воспоминаний и литературы.

Во введении авторы отмечают, что окончание Первой мировой войны не принесло мира бывшим национальным окраинам России, Германии и Австро-Венгрии. Еще не отгремели последние залпы орудий на Западном фронте, как веками проживавшие здесь бок о бок народы обрушились друг на друга, доказывая силой оружия свое право на спорные территории. Часть политиков слишком дословно восприняла провозглашенный американским президентом Вильсоном в пропагандистских целях лозунг о праве наций на самоопределение, посчитала его основополагающим принципом нового устройства мира. Другие, понимая разрушительный характер национализма для местных полиэтнических сообществ, призывали строить мировое пролетарское государство социальной справедливости без национального содержания. Сложный характер политического процесса в этих областях и слабость нарождающихся государств провоцировали вмешательство в дела региона внешних сил.

Белая и красная Россия и только что созданная Польская республика публично апеллировали к историко-этнографическим аргументам, чтобы доказать свои права на владение территориями со смешанным населением. Средством для решения конфликта была избрана война, хотя в тот момент ее никто официально не объявлял. Международное признание имело лишь польское правительство, а советские правительства России и Украины его не имели. Начало 20-месячной войне положил бой польских и советских частей у белорусского местечка Береза Картузская 13 февраля 1919 г. (с. 4–5).

В 1919 г. армии Польши заняли Вильнюс, Белоруссию до Березины, Волынь. В связи с успешным наступлением на Москву А.И. Деникина, признававшего Польшу только в этнических границах, Пилсудский, не желая помогать белой России, в конце сентября 1919 г. прекратил наступление на польско-советском фронте.

8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты утвердил определенную с учетом этнического критерия линию, до которой поляки могли устанавливать свою гражданскую администрацию (линию Керзона).

25 апреля 1920 г. началось наступление польских и петлюровских войск на правобережной Украине, уже 6 мая поляки без боя заняли Киев. В начале июня 1920 г. Красная армия прорвала фронт и развернула успешное наступление на Украине и в Белоруссии. В августе советские войска находились уже под Варшавой, Львовом и Перемышлем. Но проиграв во второй половине августа Варшавское сражение, Красная армия начала отступление по всему фронту. Поляки заняли Брест, Гродно, Барановичи, Лиду, Луцк, Ровно и другие белорусские и украинские местности. В преддверии зимы, не имея сил для продолжения войны, стороны конфликта 12 октября 1920 г. заключили перемирие, а 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор между Польшей, с одной стороны, и РСФСР (представлявшей также Советскую Белоруссию) и УССР – с другой.

Война советских республик с Польшей сопровождалась огромными разрушениями и людскими потерями, многие территории с 1914 г. стали трижды, а то и четырежды местом боевых действий. Безвозвратные потери Войска Польского составили в 1918–1921 гг. 50 тыс. человек, их большая часть пришлось на войну с советскими республиками. Потери советской стороны в этой войне до сих пор не установлены. Даже польские и российские данные о численности вернувшихся домой после плена красноармейцев расходятся почти на 6 тыс. – 69 762 против 75 699 человек.

Как подчеркивают авторы, это были далеко не все оказавшиеся в неволе красноармейцы. Одни из них умерли в плену, другие, вступив в антисоветские воинские формирования, погибли в боях с Красной армией в 1920 г., третьи остались в Польше, особенно уроженцы Западной Украины и Западной Белоруссии, четвертые эмигрировали в Европу и за океан. А некоторые вернулись домой позже, воспользовавшись объявленной в 1921 г. амнистией рядовому составу антисоветских формирований, и поэтому не попали в официальную статистику репатриированных пленных. В целом мы имеем дело с большой, существенно превышавшей

цифру в 100 тыс. человек, группой людей, объединенных общей судьбой, имя которой – плен.

Их судьба привлекла внимание историков относительно недавно. Перелом наступил в 1990 г., когда исследователи и в России, и в Польше начали знакомить читателей с результатами своих изысканий. Первый серьезный труд торуньского историка З. Карпуса появился в Польше в 1991 г. Российские ученые, признав заслуги автора, вступили с ним в дискуссию, в особенности по вопросам о численности взятых в плен и погибших в нем красноармейцев. Возникший спор, видимо, не вышел бы за рамки узкого круга специалистов. Но все происходило в момент снятия покрова секретности с трагедии Катыни и других мест расстрела поляков в Советском Союзе в 1940 г. Данный момент послужил польской стороне основанием для того, чтобы назвать контрпропагандистской акцией естественное желание российских коллег выяснить судьбу своих соотечественников. Для ее обозначения был введен даже специальный термин «антикатынь» или «контракатынь» (с. 8).

Обращение в России к проблеме военнопленных следует считать естественным и закономерным, как и обращение в Польше к проблемам катынского преступления, и долг ученых – заполнить эту лауну в истории советско-польских отношений, подчеркивают авторы. Опубликованные в 1993–1994 гг. работы, базировавшиеся на архивных изысканиях российских ученых Ю.В. Иванова и И.В. Михутиной¹, в которых шла речь о гибели в плену десятков тысяч красноармейцев, вызвали крайне негативную реакцию польских историков и публицистов. Они проводили мысль о связи этих изысканий с желанием преуменьшить трагедию Катыни. Ответом на обвинения стала статья Михутиной в «Новой и новейшей истории», в которой она на основании документов РГВА определила, что общее число пленных было 165 тыс. человек, а домой возвратились менее 100 тыс. В развернувшийся спор втягивались все новые участники, а сам он приобретал все более жесткий характер.

¹ См. например: Иванов Ю.В. Задолго до Катыни. Красноармейцы в аду польских концлагерей // Военно-историч. ж. – М., 1993. – № 12; Иванов Ю.В., Филимошин М.В. Все пленные были парализованы ужасами // Военно-историч. ж. – М., 1995. – № 5; Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. – М., 1994; Михутина И.В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919–1921 гг. // Новая и новейш. ист. – М., 1995. – № 3.

Российские историки (Т.М. Симонова, Н.С. Райский, Ю.В. Иванов, М.В. Филимошин, О. Дайнес, П. Аптекарь, С. Полтораки, М.И. Мельтюхов) называют разные цифры – от 130 до 150 тыс., польский знак проблемы З. Карпус приводит цифру в 110 тыс. Различные аспекты плена освещены в предисловии к изданному в 2004 г. сборнику документов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1920 гг. Документы и материалы».

В дискуссию включился и Г.Ф. Матвеев. На основе документов польского Генштаба за 1919–1920 гг. он установил, что всего в течение 20 месяцев в плен попали 206 877 красноармейцев, из них реально было передано в распоряжение военного министерства и испытало тяготы «военной неволи» не менее 157 тыс. красноармейцев (с. 43). На Украине над проблемой пленных красноармейцев работает в настоящее время лишь В.С. Матвеева, защитившая в 2010 г. на эту тему кандидатскую диссертацию. Западные историки судьбой пленных красноармейцев не занимались.

7 апреля 2010 г. В.В. Путин на совместной пресс-конференции с премьер-министром Польши Д. Туском в Смоленске не только вспомнил об этой трагедии, но и назвал возможную цифру погибших в польском плену красноармейцев – около 32 тыс. человек. 6 декабря 2010 г. на пресс-конференции с президентом Польши Б. Комаровским Д.А. Медведев призвал заняться восстановлением исторической памяти, включая и период Гражданской войны в нашей стране, когда «десятки тысяч красноармейцев, оказавшиеся в Польше, исчезли или погибли», «по этим вопросам нужно вести диалог, причем в абсолютно открытом и дружественном ключе, как мы сегодня это делаем по катынским событиям» (с. 13).

В первой главе «Масштабы феномена польского плена и его организационное регулирование» авторы приводят число военнопленных, взятое из различных, прежде всего польских источников высокой достоверности. После подписания мирного договора судьбой военнопленных занимался польский МИД. В мае 1922 г. в связи с завершением репатриации основной массы военных и гражданских пленных (так называли заложников) лагеря, в которых содержались интернированные бойцы союзных полякам в 1920 г. антисоветских частей, были переданы в ведение МВД. Это положение сохранялось до окончательного закрытия лагерей в 1924 г. (с. 47).

В последующих главах – «Военнопленные в зоне ответственности верховного командования Войска Польского», «Пленные красноармейцы в ведении министерства военных дел», «Военнопленные красноармейцы вне лагерей», «Действия советского руководства по улучшению положения военнослужащих Красной армии в польском плену» авторы затрагивают ряд проблем, связанных с различными сторонами военных действий и пребывания красноармейцев в польском плену. Как подчеркивается в книге, «польские и российские документы свидетельствуют о том, что и в 1919 г. и в 1920 г. поляки расстреливали красноармейцев. Но установить масштабы этого явления не представляется возможным, поскольку делалось это обычно без суда и следствия. Чаще всего расстреливали комиссаров, командиров, коммунистов, китайцев и евреев, но и другие категории «узников войны» не могли себя чувствовать в полной безопасности в момент пленения» (с. 57). «Комиссаров живыми наши не брали вообще», – свидетельствует как очевидец польский историк М. Хандельсман (с. 51). О том, что условия содержания в плену были вопиюще антигуманными, свидетельствует, например, такое описание очевидца: «На полу в грязной соломе валялось человек десять, накрывшись разными лохмотьями и тряпками... Больные до того истощены, что еле держатся на ногах и то всем телом трясутся... Те же картины в других комнатах, та же грязь, те же истощенные, пожелтевшие лица... Умирают ежедневно по 4–5 человек. Все без исключения от истощения... Медикаментов вдоволь, каких только необходимо, но от голода лекарство не спасет...» (с. 71). Поляками были разработаны «Принципы обращения с большевистскими пленными» и инструкции по ведению пропаганды в концентрационных лагерях для пленных (с. 49).

Самых сильных и здоровых оставляли, не спрашивая на то их согласия, в «диких» рабочих командах при действующей армии (использование труда пленных на фронте противоречило правилам Гаагской конвенции 1907 г., дополненным затем в Женевской конвенции 1929 г. – *Рэф.*). Фактически они так и не становились полноправными пленными. О судьбах этих людей не осталось почти никаких сведений, что дает основание для самых грустных предположений. Больных, раненых, ослабленных, коммунистов, предварительно отобрав у многих из них хорошее обмундирование и одев

в обноски, грузили в железнодорожные составы, чтобы голодных и замерзших вести в стационарные лагеря, не всем удавалось достичь места назначения живыми.

Итак, польский плен оказался тяжелым испытанием для оказавшихся в нем военнослужащих Красной армии, заключают авторы. На всем его протяжении, а для кого-то он длился почти три года, неизменными спутниками этих «узников войны» были расстрелы, голод, холод, инфекционные болезни нередко со смертельным исходом, тяжелый труд, гибель в рядах антисоветских вооруженных формирований. И повинны в этих их несчастьях не только объективные обстоятельства, как уверяют некоторые современные польские авторы. Это и нередко бесчеловечное отношение к пленным на фронте и по сути преступное исполнение многими польскими офицерами и унтер-офицерами своих должностных обязанностей во время прохождения службы в заведениях для пленных.

В.П. Любин